

Вэй Хуань взглянула на меня, и я заметила, что она выглядит несколько подавленной. Решив, что она беспокоится о будущем Вэй Ушэнжэня, я поспешила сказать: «Я вспомнила: наставник Мяо знаком с новым канцлером, господином Вэй Сыцянем. Если ты не против, пусть Вэй Ушэнжэнь составит несколько свитков, и я попрошу передать их господину Вэю. Или пусть подготовит свои лучшие стихи. Как-нибудь я устрою пир, приглашу литераторов, и он сможет прочитать свои произведения на месте. Если кто-то из них проявит интерес — это будет лучший исход». Я продолжала говорить, но лицо Вэй Хуань становилось всё мрачнее. Она прервала меня: «Ладно, ладно. Ты и так занята ежедневными уроками, теперь ещё танцами и конным поло. Не обременяй себя этими мелочами. Я тоже занята, так что пойду». Не дожидаясь моего ответа, она развернулась и вышла. Со времени нашего знакомства такого ещё не случалось. Я не понимала, чем могла её обидеть, и провела ночь в тревоге и догадках, не сомкнув глаз.

На следующий день был выходной. Рано утром отец и матушка вызвали меня. Увидев наследного принца и Ли Жуя, я подумала, что произошло что-то важное, но оказалось, что просто прибыли подарки от князя У Ли Биня. Сам он был ещё в пути, но дары уже поступали несколько раз. Хотя они не были столь ценны, как приношения наследного принца и Ли Жуя, они отличались душевностью, и отец с матушкой были очень довольны, раз за разом отправляя ответные награды. На этот раз подарки снова были необычными: шёлковые ткани из земель У с узорами водных волн, шахматных клеток, рыбьих ртов, конских глаз, вышитых листьев, бамбуковых ветвей, белых лотосов и чашечек хурмы; местные деликатесы из Цзяннани — маринованные ростки бамбука и тыква, чёрные сливы, икра, рыба цзюй, белая рыба; а также растения — ганьтан и счастливый бамжук. Кроме того, два мускусных оленя, два оленя, десять белых кроликов, двадцать золотых и серебряных рыбок и десять свитков «Жизнеописаний почтительных сыновей».

Отец же больше всего обрадовался «Жизнеописаниям почтительных сыновей». Он велел развернуть длинные свитки для подробного изучения и сказал нам: «Эрлан, Люлан, Сыцзы, это деяния почтительных сыновей, которые собственноручно составил Сылан. Вам тоже стоит почитать».

Наследный принц и Ли Жуй улыбались, но улыбки их были натянутыми. С моего рождения они были дворцовыми баловнями. Когда во дворце говорили о принцах, упоминали лишь Эрлана или Люлана. Имя князя У Ли Биня мелькало разве что в праздничных указах, рассылаемых по всей империи. Но в последние месяцы из уст отца и матушки то и дело слетало: «Сылан постится ради благословения родителей, три месяца не ел мяса», «Сылан поднёс сочинения, составленные учёными мужами из У», «Ода Сылана "К тысячелетнему долголетию Священного Императора и Императрицы" весьма достойна»... Словно в одночасье князь У Ли Бинь стал единственным сыном императорской четы, а наследный принц и Ли Жуй превратились в побочных отпрысков. Наследный принц ещё как-то терпел, но Ли Жуй, будучи младшим сыном, с детства был крайне избалован и своеволен, отчего его негодование лишь росло. К счастью, матушка держала его в узде, и это негодование приходилось глотать. Однако он то и дело твердил мне на ухо, чтобы я больше капризничала перед родителями, дабы те вспомнили о наследном принце, и говорил, что, как только супруга наследного принца родит сына, это будет настоящий старший внук по прямой линии, который непременно затмит трёх сыновей и четырёх дочерей князя У. Меня это ужасно раздражало, и я однажды намёкнула: «Сам бы лучше постарался — побольше законных наследников нарожай да с семьёй жены поладь. Вот это и будет настоящей почтительностью». Негодяй, как назло, воспринял это всерьёз и тут же принялся заигрывать с двумя свояками. Истинно — не знаю, что и сказать.

Видя неловкость братьев, я поспешила взять отца за рукав и сказала: «Отец, эти труды составлены так прекрасно. Позвольте Сыцзы взять их на несколько дней, чтобы переписать и

как следует изучить, хорошо?»

Матушка подхватила: «Мысль Сыцзы хороша. Думаю, не только ей можно переписать, но и сделать сотни копий, разослать по всей империи в назидание сыновьям и подданным. В Государственной академии и Высшей школе тоже можно отобрать для изучения, чтобы Поднебесная знала, что у Вашего Величества есть такой почтительный сын».

Отец с лёгкой улыбкой ответил: «Почему бы и нет?» Вновь взглянув на свитки, он добавил: «Сылан проявил сыновнюю почтительность в полной мере, однако составленное и отобранное им всё же имеет недостатки. Если выпускать для всей империи, нужно ещё поработать над текстом. Эрлан, ты старший брат, возьми за это дело. Когда закончишь, вели студентам Государственной академии и Высшей школы заучить наизусть».

Наследный принц, получив поручение, поспешно склонился в поклоне. Отец же, улыбаясь, обратился ко мне: «Сылан помнит о тебе — специально указал, что белые кролики, золотые рыбки и прочее — тебе. Словно я, твой отец, мог бы присвоить твоё добро! Впрочем, ты смогла оценить его усердие в составлении книг, и это тоже не напрасно».

Я улыbnулась: «Сылан поднёс столько всего, а отец заметил лишь кроликов да рыбок, и ещё говорит, что не жаден! Отец всегда был немного скуповат. Сылан преподнёс такие прекрасные книги, я предложила отличную идею, а отец даже не обмолвился о награде и ещё попрекает Сылана за то, что тот обо мне позаботился!» Отец со смехом погрозил мне пальцем, а я юркнула за спину матушки и спросила: «Матушка, разве я не права?»

Матушка стукнула меня по макушке: «Хватит, пользуйся моментом. Будешь болтать дальше — отец передумает, и ни кролика, ни рыбки тебе не видать».

Отец рассмеялся: «Если вы будете так говорить, моя репутация скряги окончательно утвердится. Ян Цзыгао, веди людей, несите эти глупые твари в Чертог Чжуцзин, пока эти две не наговорили ещё больше. Я дополнительно жалую тебе двадцать костюмов для игры в мяч, сорок отрезков крашеного шёлка и два ковра из красных нитей. Теперь я не скуп, да?»

Я вынырнула из-за спины матушки, обняла отца за руку и рассмеялась: «Отец вовсе не скуп, ни капли! Отец — лучший отец во всём поднебесном мире, Сыцзы больше всех любит гэгэ и няннян!» Малыши звали родителей не «а-е» и «а-нян», а «гэгэ» и «няннян». В детстве меня тоже няньки этому научили, но, подрастая, я уже сменила обращение. Теперь же, вновь произнося эти слова, я внутренне ёжилась от слащавости, но отец и матушка больше всего любили мои детские ужимки. Один принялся теревить мне затылок со словами: «И в конце няннян не забыла, малая плутовка!» Другая же поддразнила: «Льстишь своему гэгэ, так меня-то зачем приплела? Я тебе ничего не жалую».

Смеясь, я ухватилась за обоих: «Гэгэ и няннян — это одно целое. Есть гэгэ — есть и няннян, есть няннян — есть и гэгэ. Как их разделить? Шэн-гэ, Жуй-гэ, вы как считаете?»

Ли Жуй, смекнув, тоже подошёл и нежно позвал: «Гэгэ, няннян». Наследный принц, будучи старше, не мог позволить себе такие детские обращения, но подошёл и взял отца за руку. Отец обнял его и вздохнул: «Помню, когда родился Чжину, ты ещё ничего не понимал, плакал и требовал увидеть матушку. Няньки не могли тебя успокоить, принесли в Чертог Цзычэнь. Мы с тобой, сынок, ждали всю ночь, пока не услышали весть, что мать и дитя в порядке. Потом родилась Сыцзы, и снова я ждал с тобой и Чжину всю ночь. Тогда ему было всего три года, пухлый, как колобок, ковылял переваливаясь. Ты же сам был слаб здоровьем, и, когда вёл его за руку, я боялся, как бы он тебя не опрокинул. И вот глядь — вы оба уже такие статные

юноши, и у вас свои дети есть. Не знаю только, как сейчас выглядит Сылан».

Матушка улыбнулась: «Кстати, о детях. А-Пэй должна родить в этом месяце, да? Ваше Величество, вы столько пожаловали дочери, не забудьте же и о внуке».

Отец на мгновение замер, затем рассмеялся: «Чуть не забыл. Во дворце всё готово? Это её первые роды, нельзя пренебрегать».

Матушка ответила: «Во все покои уже отдан приказ. Кормилицы, служанки, евнухи — все отобраны, все припасы подготовлены. Осталось только ждать, когда начнётся».

Ли Жуй, улыбаясь, сложил руки: «Если супруга наследного принца произведёт на свет внука, а Сылан приведёт в столицу своих детей, перед отцом воистину соберётся полный зал детей и внуков, и династия наша процветать будет вечно».

На лице отца расцвела радость, а взгляд, обращённый к наследному принцу, наполнился нежностью.

Отец был строг в наградах для наследного принца и Ли Жуя, но ко мне относился с безмерной снисходительностью, жалуя и выделяя содержание щедро и без ограничений. Все во дворце об этом знали, поэтому, едва я вышла от него, младшие евнухи уже доставили превосходнейшие новые костюмы для игры в мяч, ковры из красных нитей и крашенный шёлк, а также дары от князя У — всё отнесли в Чертог Чжуцзин.

Подобные мелочи обычно не требовали моего внимания, но теперь, когда кладовыми ведала Вэй Хуань, мои ноги словно обрели собственную волю и сами понесли меня в зал для совещаний. Там были Сун Фою, Фэн Шилян, Сяолан и Вэй Хуань, а в зале ровными рядами стояли две шеренги служанок. Увидев меня, все удивились и поднялись. При стольких людях я не могла говорить только с Вэй Хуань, поэтому спросила с улыбкой: «Что вы тут делаете?»

Сяолан ответила: «Эрнян, в Приказе Дяньчжун не хватает двадцати трёх человек. Мы как раз обсуждаем, кого выбрать».

<http://bllate.org/book/16278/1466546>